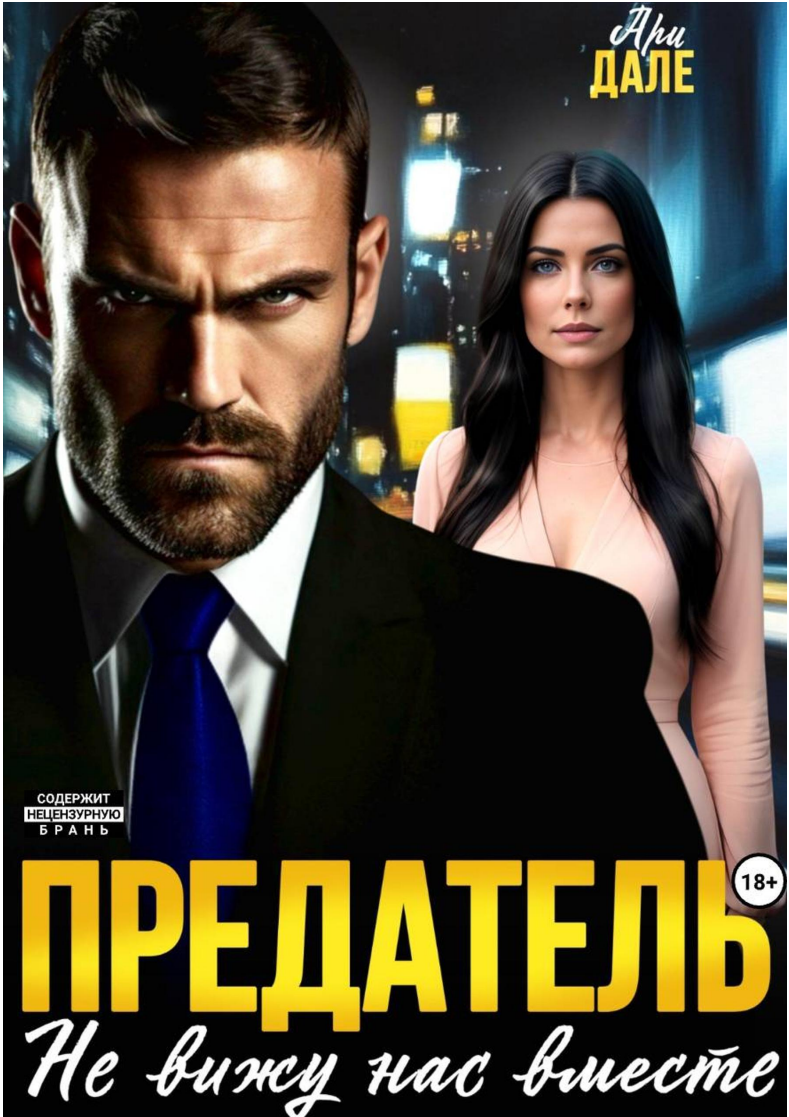

Ари
ДАЛЕ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
ПРЕДАТЕЛЬ
18+
Не вижу нас вместе

Ари Дале
Предатель. Не вижу нас вместе

https://litres.ru/74760178
SelfPub; 2026

Аннотация

"Из-за беременности вы скоро ослепнете!" — слова гинеколога крутятся в голове, когда я без стука захожу в кабинет мужа и застаю его за изменой у панорамного окна.

— Закрой дверь с другой стороны, — рявкает Демид. — Подожди снаружи. Я закончу и приду!

— Да пошел ты! Когда закончишь, мой след простынет!

Не проходит много времени, прежде чем я оказываюсь в руках у Демида. Он прижимает меня к себе и заглядывает мне в глаза.

— Только посмей скрыться от меня! Ты моя, Ксения, и останешься моей навеки!

— Тогда почему ты променял меня на другую? Почему изменяешь мне? — слезинка все-таки скатывается по щеке.

Муж стирает ее большим пальцем.

— Тебя это не должно волновать. Ты моя жена, и точка. Поэтому выбрось все глупости из головы и делай, как я говорю, — заявляет муж и... закрывается в кабинете с любовницей.

Гинеколог права, я скоро ослепну. Но причина будет в другом!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ари Дале
Предатель. Не вижу нас вместе

Глава 1

— Вы скоро ослепнете, — огорошивает меня гинеколог.

Мои глаза широко распахиваются. Становится жутко холодно. Кажется, словно из меня всю жизнь вытянули. Зато стопы горят, тяжелеют. Даже очень теплое шерстяное платье не греет. Я дрожу так сильно, будто несколько часов простояла на морозе.

Вердикт врача отнимает у меня все силы. Мышцы слабеют, дыхание перехватывает. Если бы я не сидела, то, не сомневаюсь, съехала бы на пол. А так лишь судорожно втягиваю воздух, пытаясь расправить сжавшиеся и начавшие жечь легкие. Обнимаю себя, прикрывая живот руками, словно хочу защитить долгожданного малыша от всех бед. В том числе от сидящей напротив меня за столом «злой» тети. Как Виолетта Павловна может говорить настолько ужасные вещи с непробиваемым выражением лица? Как?! Хотя чему я удивляюсь? Скорее всего, ей приходилось сообщать плохие новости будущим мамочкам множество раз, если судить по се-

дым волосам, затянутым в тугую гульку на затылке. Сколько Виолетта Павловна работает в больнице? Двадцать… тридцать лет? Наверное, она успела за это время совсем очерстветь. Не просто же так у нее настолько строгое выражение лица и поджатые губы, которые кажутся даже тоньше, чем есть на самом деле. Да и белый халат совсем не красит Виолетту Павловну. Наоборот, он делает светлую кожу доктора еще более бледной, я бы даже сказала серой. Пытающийся отвлечься от страшной новости мозг невольно сравнивает гинеколога с гарпией. Может быть, дело в остром клювовидном носе?

Прикрываю глаза, делаю глубокий вдох и медленный выдох, стараюсь собраться с мыслями. Не скажу, что хорошо выходит. Но точно лучше, чем ничего. По крайней мере, удается сосредоточиться на главном.

— Но… как? Почему? — спрашиваю севшим голосом, округляю глаза. Дрожащими пальцами заправляю за ухо болтающуюся перед глазами прядь темных волос.

Еще пару секунд смотрю на Виолетту Павловну и отвожу взгляд в сторону, не выдерживая бесстрастного выражения лица гинеколога. Сразу же цепляюсь взглядом за деревянную дверь. Она выделяется среди белых стен и, словно магнит, манит к себе, ведь ведет в соседний кабинет с гинекологическим креслом и аппаратом УЗИ. Именно там Виолетта Павловна подтвердила мою беременность. Именно там я расплакалась от счастья. Именно там сбылась моя давняя

мечта.

Тогда я даже представить себе не могла, что самый счастливый день в моей жизни приведет к таким последствиям.

У меня всегда были проблемы со зрением. В детстве я носила очки, а сейчас на мне линзы. Но я уже привыкла к этой своей особенности. Свыклась с мыслью, что никогда не увижу мир своими глазами.

Не знаю, что насторожило Виолетту Павловну в моем анамнезе, но как только она увидела в карточке информацию от офтальмолога, сразу направила меня к врачу, который работает в клинике. Мне пришлось пройти несколько малоприятных процедур, и все они привели к тому, что сейчас я сижу в кабинете гинеколога и пытаюсь сопоставить, как моя неожиданная, но при этом невероятно желанная беременность связана с тем, что я могу… ослепнуть.

Господи, а что скажет Демид, когда узнает? Как он воспримет новость о том, что наш долгожданный малыш может отнять у меня возможность видеть?

Стоит об этом подумать, в голове сам по себе всплывает давний разговор с мужем. Я, словно наяву, слышу голос Демида:

«Не переживай ты так. Не получилось в этот раз, получится в следующий. Тем более, куда тебе рожать? Ты же такая нежная, хрупкая. А ребенок... он для нас необязателен. Разве нам плохо вдвоем? По-моему, мы и так очень счастливы. Лично мне, кроме тебя, больше никто не нужен».

Понимаю, что Демид просто пытался меня успокоить, чтобы я сильно не переживала из-за неудачных попыток забеременеть. Но в тот момент было безумно сложно слышать его слова. Мне показалось, что муж не хочет этого ребенка так рьяно, как я. А что он скажет сейчас, когда узнает, к каким последствиям может привести моя беременность?

Все внутри меня стягивается в тугой узел, стоит об этом задуматься.

Взмахиваю волосами в попытке избавиться от тревожных мыслей и снова сосредотачиваюсь на Виолетте Павловне, сидящей за идеально чистым столом. В окне за ее спиной замечаю, что на улице разыгрался нехилый ветер — деревья колышет с такой силой, что кажется, они вот-вот сломаются. Небо стало серым, почти черным. Оно словно специально ухудшает мое угнетенное состояние.

— Беременность часто провоцирует осложнение в виде потери зрения, особенно когда с ним были до этого проблемы, — слова Виолетты Павловны звучат будто издалека. — Судя по результатам ваших анализов, у вас как раз этот случай. Во время беременности ваше зрение будет постепенно ухудшаться, пока вы не перестанете видеть окончательно.

Мне кажется, или на лице женщины проскальзывает сожаление? Неважно. Сейчас ничего не важно, кроме…

— И что вы предлагаете? — голос дрожит, как и я в принципе. Сильнее обнимаю себя. Не знаю, во мне говорит успевший проснуться материнский инстинкт или же дело просто в

интуиции, но что-то подсказывает, что ничего хорошего я не услышу. Вот только все равно задерживаю дыхание и смотрю на доктора полными надежды глазами.

Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Я готова на все, чтобы увидеть личико своего малыша. Хочу наблюдать за тем, как он растет. Становится прекрасным статным мужчиной или невероятно красивой девушкой. Живет полноценной жизнью, достигает высот. Хочу увидеть своих внуков. Хочу прожить полноценную жизнь с мужем и нашим ребенком.

Я не могу все это потерять. Не могу…

— Я настаиваю на аборте, — чеканит Виолетта Павловна.

Хватаю ртом воздух. Холодок бежит по позвоночнику. Смотрю на доктора, пытаюсь осознать ее слова, но они отказываются укладываться в голове.

Зато в мыслях непроизвольно появляется образ мужа с его холодными темно-зелеными глазами, которыми он на меня бесстрастно посмотрит, когда услышит новость. Кажется, я даже слышу его жестокий голос: «Нам с тобой и вдвоем хорошо. Если врач говорит, что нужен аборт, значит, будешь делать аборт».

Глава 2

Желудок сжимается в болезненном спазме.

С силой зажмуриваюсь, всеми силами пытаясь избавиться от страшной картинки, которую подкидывает мне воображение. Нет, Демид не скажет ничего подобного. Он же знает, как сильно я хотела ребенка. Если я ему все объясню, он поймет. И поддержит. Не может быть иначе.

Жаль, выдохнуть не получается. Ведь заявление Виолетты Павловны набатом стучит в голове.

Аборт…

Аборт…

Аборт…

Это слово колючими иглами впивается в сердце. Из-за него я теряю дыхание. Перестаю ощущать что-либо, кроме страха и боли.

Пару долгих секунд сижу, не двигаясь, а в следующую — вскакиваю на ноги. Стул со скрипом отодвигается.

— Что? Нет! — выкрикиваю.

Хватаю сумку с пола и начинаю отступать, при этом опасливого взгляда от Виолетты Павловны не отвожу. Кажется, если я прерву зрительный контакт, женщина бросится на меня, чтобы насильно затащить в операционную, где лишит малыша, который так долго шел ко мне.

— Ксения Александровна, — Виолетта Павловна упира-

ется ладонями в стол, приподнимается. — Послушайте… — наверное, собирается произнести речь, которую ей приходилось говорить уже тысячи раз, но я взмахиваю рукой, прерывая ее.

— Не нужно, — произношу на выдохе, продолжая двигаться задом наперед. — Я вас поняла, — нещадно вру. — Мне… п-пора, — прежде чем Виолетта Павловна успевает возразить, кручусь на пятках и выбегаю из кабинета.

Не останавливаюсь, стоит двери за мной захлопнуться. Ноги сами несут меня вперед. Я не знаю, куда бегу. Не замечаю дороги. Не вижу ничего вокруг. Поддаюсь инстинкту, который кричит: «Защити малыша». Сейчас нет ничего важнее этого.

Быстрые, гулкие удары сердца отдаются в ушах. Рваные выдохи срываются с губ. В груди печет. Мышцы ноют. Но я не сбавляю темпа ни на секунду. Кажется, если заторможу, то потеряю самое важное на свете, без чего не смогу дальше жить.

Я не могу лишиться своего малыша. Не могу…

Это понимание придает мне сил, и я ускоряюсь. Несусь так быстро, как только могу. Очнуться получается, лишь оказавшись на улице, когда ледяной ветер бьет в лицо.

Где-то на краю сознания возникает мысль, что я забыла пальто в гардеробе. Вот только стоит подумать о том, что придется вернуться в больницу, меня начинает прилично потряхивать.

Мгновение ничего не происходит, а в следующее — слова Виолетты Павловны обрушиваются на меня, словно бетонные плиты. Колени тут же подгибаются. Я едва успеваю схватиться за железные, ледяные перила. Подхожу к ним, опираюсь бедром. Прикрываю глаза. Вижу тьму и сразу распахиваю их.

Страх паучьими лапками ползет по коже, сдавливает горло.

Возможно, тьма скоро станет моей лучшей подругой.

Слезы подкатывают к глазам.

Как такое могло произойти? Как самое счастливое событие в моей жизни привело к возможной потере зрения?

Желудок сдавливает от страха. Дыхание перехватывает, когда я пробую представить, какой моя жизнь в полнейшей темноте.

Тут даже подключать воображение не надо, я и так понимаю, что если перестану видеть, вся моя жизнь разрушится. Но не она меня сейчас пугает больше всего на свете. А мой ребенок. Мой малыш.

Похоже, мой самый большой страх становится реальностью, и я никогда не увижу прекрасного личика своего будущего ребенка. Никогда…

В груди печет. Из меня рвется всхлип за всхлипом. Но я кусаю губу, не позволяя себе разрыдаться в голос.

Нет. Аборт я делать точно не буду. Об этом не может идти и речи. Но как мне растить своего малыша, если я не смогу

его видеть? Как?

Проворная слезинка все-таки скатывается по щеке. Смахиваю ее быстрым движением.

Пытаюсь вернуть себе самообладание, но не получается. Как и понять, что делать дальше. Я не могу ослепнуть. Просто не могу.

«Демид», — имя мужа всплывает в мыслях.

Мне нужно к нему. Да, точно. Единственный человек, который может найти выход из патовой ситуации — мой муж. Он, конечно, никогда не горел желанием иметь детей, но и не противостоял мне, когда я однажды сообщила о своем желании иметь продолжение нашей любви. В животе начинает ворочаться червячок нехорошего предчувствия, когда я вспоминаю облегченный выдох, сорвавшийся с губ мужа, стоило мне выйти из ванной с тестом на беременность, на котором была одна полоска. Но это произошло давно. Тогда мы только поженились, не успели насладиться друг другом. С тех пор прошло уже десять лет. И хоть у нас никак не получилось забеременеть, Демид поддерживал меня во всем, даже разных знаменитых врачей находил и сдавал все необходимые анализы.

Поэтому отбрасываю все сомнения в сторону. Достаю из сумки телефон и вызываю такси. Оно приезжает спустя десять минут, за которые я жутко замерзаю.

Когда забираюсь в теплый салон, зуб на зуб не попадает. Вот только несмотря на то, что водитель делает печку

потеплее и я согреваюсь, дрожать не перестаю. Хоть стараюсь во время дороги ни о чем не думать, непрошеные мысли все равно проникают в голову. Невольно представляю, какой моя жизнь будет в полнейшей темноте. Я не смогу не только готовить, хоть обожаю это дело всей душой. Но и разучусь писать, читать. Даже выйти из дома без сопровождения не получится, по крайней мере, в первое время. А как поменять памперс малышу? На ощупь?

Разве это жизнь? Не так я представляла свое будущее. Не так.

За гнетущими мыслями не замечаю, как мы подъезжаем к офису мужа. Большое стеклянное здание встречает меня вместе с разбушевавшейся непогодой.

Моросит дождь. А порывы ледяного ветра проникают не только под ткань платья, но и под кожу. Стараюсь как можно быстрее добежать до здания, пока не успела еще и промокнуть. Большой, обычно залитый светом через панорамные окна холл сегодня кажется серым. Наверное, из-за плотно затянутого неба, которое не пропускает солнечные лучи. А любимый мною запах кофе сегодня не будоражит.

Думаю лишь о том, как добраться до Демида. Это моя цель, и я ей следую.

Пересекаю холл, на лифте доезжаю до последнего этажа. Как только металлические дверцы разъезжаются, срываюсь с места и несусь по длинному коридору, где за стеклянными дверьми обычно сидит вся администрация. На краю со-

знания отмечаю, что в разгар рабочего дня на месте никого нет, но игнорирую в очередной раз появившееся плохое предчувствие, которое колючими мурашками проносится по коже. Быстро добираюсь до приемной, где помощницу мужа тоже не нахожу. Хмурюсь, но не останавливаюсь.

Огибаю полукруглый белый ресепшн и подхожу к черной двери за ним. Не думая, кладу ладонь на металлическую ручку, нажимаю, распахиваю дверь.

Вот только порог не переступаю, застываю на месте.

Взгляд цепляется за одетого в черный костюм Демида, прижимающего к панорамному окну обнаженную женщину. Оба стоят ко мне спиной, поэтому не замечают меня. Но хлюпающие звуки, тяжелое дыхание, девичьи немного визгливые стоны не оставляют сомнений в том, что происходит в кабинете… чем занимается Демид.

«Вот сейчас я бы хотела оказаться слепой и желательно глухой», — проносится в голове.

В меня словно вонзаются тысячи игл. Судорожно втягиваю воздух, пытаясь не застонать от боли, совсем как… любовница моего мужа, только от удовольствия.

Наверное, этот звук привлекает внимание Демида. Он оглядывается через плечо, видит меня, хмурится. Замечаю холод и тьму, которые в последнее время поселились в глазах у мужа. Я связывала отстраненность Демида с проблемами на работе, ведь даже представить себе не могла, что любящий меня муж нашел другую женщину.

Демид же пару секунд просто смотрит на меня, а потом жестко заявляет:

— Закрой дверь с другой стороны. Я закончу и приду.

Глава 3

Демид вроде бы что-то сказал, да? Я же слышала его слова, видела, как шевелятся губы мужа, но почему-то не удается понять, что именно он говорит. Такое чувство, будто кто-то поставил звук на минимум, не давая сказанному Демидом проникнуть в мой разум, укорениться там, вызвать еще большие страдания.

Жаль, со зрением такая штука не работает. Свет почему-то никто не выключает.

Поэтому все мое внимание сосредотачивается на девушке, которую Демид вдавливает в окно. Муж почти полностью закрывает ее собой. Но мне все равно удается рассмотреть светлые взлохмаченные локоны, доходящие до ее плеч. Ладони, лежащие на стекле с двух сторон от ее тела и, явно, оставляющие отпечатки. Оголенное бедро и красные туфли на шпильках.

«Кто она?» — всплывает в мыслях никому не нужный вопрос.

На самом деле, неважно, с кем изменяет мне Демид. Главное, сам факт. Но жажда выяснить личность любовницы, посмотреть на женщину, на которую променял меня муж, поднимается из глубины моей души. Заставляет нервные окончания гудеть, а кончики пальцев покалывать.

Постепенно необъяснимое желание заполняет каждую

клеточку тела, толкает меня вперед. Поддаюсь ему. Не чувствуя ног, переступаю порог.

«Если я сейчас не посмотрю на девушку, то возможно, больше никогда не увижу лица той, на кого променял меня Демид. Вдруг это кто-то знакомый?», — проносится в голове объяснение моему кажущемуся нелогичным поведению.

Я же должна знать ту, кто скоро займет мое место!

С этой мыслью ладонь соскальзывает с дверной ручки, а я делаю шаг вперед.

Жуткий грохот раздается сзади и вырывает меня из ступора. Миг, и все эмоции обрушиваются на решивший защититься от боли разум. Чувства включаются на полную мощность. Хватаю ртом воздух, чтобы потушить пожар в груди. Вот только кислород, попавший в легкие, похоже, лишь подпитывает огонь, постепенно сжигающий меня изнутри. По телу прокатывается крупная дрожь. Меня бросает то в жар, то в холод. Остатки сил покидают тело.

Зато здравомыслие резко возвращается ко мне, и я припадаю к полу.

Что я творю? Почему, увидев разрывающую сердце сцену, зашла в кабинет, а не ухожу? Зачем пытаюсь сделать себе еще больнее? Я же вроде не мазохистка. Нужно было сразу убраться подальше от мужа-изменщика и его любовницы. Но нет же, я бросаюсь прямо в пламя. Мало мне пожара, который не перестает полыхать в груди? Решаю действовать наверняка, лишь бы выжечь всю боль и заодно любовь к му-

жу, заставляющую меня страдать? Вот только я не феникс. Из пепла не восстану. Да и не одна больше, чтобы так рисковать. Во мне живет маленький человечек, которого нужно защитить. Защитить ото всего на свете, в том числе и от его же отца.

Рука дергается в попытке накрыть живот. Но я сжимаю кулак, насильно заставляя ее висеть вдоль тела. Действую на чистых инстинктах. Слушаю интуицию, когда колоколами звенит в голове.

«Демид не должен знать о малыше. Он не достоин такого подарка судьбы».

Мне кажется, проходит вечность с того момента, как я застала мужа за изменой, но на деле, скорее всего, секунды. Ведь я толком вздохнуть не успеваю, как кабинет заполняет рев:

— Ксюша, я к тебе обращаюсь: выйди из кабинета!

Я и сама собиралась это сделать, но… приказной тон мужа вызывает желание противостоять. Ненавижу, когда мне указывают, поэтому вместо того, чтобы прислушаться к внутреннему голосу, который подсказывает уйти подальше от мужа, я упрямо стою на месте.

— А если я этого не сделаю, тогда что? Продолжишь трахать левую бабу у меня на глазах? — хочу все это произнести твердо, но голос дрожит. Складываю руки на груди, чтобы хоть как-то придать увесистости своим словам.

Демид, явно не ожидавший от меня столь открытого про-

тивостояния, недовольно поджимает губы. Лишь сейчас замечаю, что муж прилично зарос. Да и его лицо осунулось, а под глазами появились темные круги. Демид выглядит каким-то… не таким. Уставшим? Да. Но что-то еще не дает мне покоя. Возможно, это откровенное безразличие в его глазах, с которым муж на меня смотрит? Или дело в жестких чертах лица? Демида, конечно, сложно назвать мягким человеком. Но со мной он обычно отключает свою настороженность и позволяет себе расслабиться.

«Что-то явно не так», — нашептывает голос разума.

Взмахиваю волосами, отделываясь от него, как и от тревоги, которая начала подниматься из глубины изнывающей души. Я застала мужа за изменой, только психопат при этом не был бы напряжен до основания.

— Хочешь посмотреть? — выгибает бровь Демид, не отпуская свою любовницу. Наоборот, сильнее впивается пальцами в ее талию, обездвиживая девушку.

«Муж не хочет, чтобы я увидела ее лицо», — проносится в мыслях вместе с чистейшим изумлением, которое вызывает явное пренебрежение Демида к моим чувствам, и разрывающей сердце болью.

— Давай, покажи, на что ты способен, — выдавливаю из себя сквозь подкатывающие к горлу рыдания.

Прикусываю язык, надеясь, что физическая боль заменит душевную. Но делаю лишь хуже. На шею словно невидимая удавка набрасывается, перекрывая дыхание. Слезы подбира-

ются к глазам, размывая взор. Глотаю всхлип за всхлипом, которые рвутся наружу.

Пожалуйста, Ксюш, не надо плакать. Только не сейчас. Только не перед мужем.

— Блядь, — выдыхает Демид, разрывая затянувшуюся тишину. Делает шаг назад и цедит, без сомнений, обращаясь к своей любовнице: — Стой и не двигайся.

Раздается «вжик» молнии, и Демид разворачивается ко мне.

Муж широкими шагами сокращает разделяющее нас расстояние, хватает меня за локоть и выволакивает в приемную. Оглядываюсь через плечо в надежде все-таки увидеть лицо любовницы. Но Демид толкает меня вперед, закрывая собой дверной проем, а вместе с тем и обзор на свой кабинет.

— Возвращайся домой, Ксения! Я как освобожусь, сразу приеду к тебе, и мы… — замолкает, будто подбирает подходящее слово, — пообщаемся, — выдает в итоге.

Не знаю, что срывает мне крышу: то ли безразличный тон мужа, то ли все события, которые довелось сегодня пережить, но я резко разворачиваюсь, взмахивая волосами.

— Да пошел ты! — с размаху толкаю мужа в грудь. Жаль, эту скалу даже пошатнуть не удается, не говоря уже о том, чтобы причинить какой-то вред. — Когда ты освободишься, — выплевываю, кривясь, — мой след простынет!

Стоит словам вылететь из меня, моментально жалею о своем срыве. Не только потому, что выложила на стол все

сформировавшиеся в голове планы, но и из-за опасного огонька, вспыхнувшего в глазах Демида.

Миг, и муж обхватывает мой затылок ладонью, запутывается пальцами в волосах, подтягивает меня к себе.

— Только посмей сделать хотя бы шаг из нашей квартиры! — угрожающе рычит мне в губы, обдавая их горячим дыханием. — Ты моя, Ксения. Только моя! — понижает голос до проникновенного шепота. — И останешься моей навеки, — заявляет непоколебимо, из-за чего я теряюсь.

— Тогда почему ты променял меня на другую? Почему изменяешь мне? — спрашиваю, на мгновение поддаваясь слабости.

Слезинка все-таки скатывается по щеке. Муж прослеживает за ней взглядом и стирает ее большим пальцем с такой нежностью, что мурашки тут же покрывают кожу.

— Тебя это не должно волновать, — жестокие слова срываются с губ мужа, вызывая жуткий диссонанс. — Главное, что ты должна знать, — ты моя жена, будешь ею всегда. Поэтому не делай глупостей. Вернись в нашу квартиру и дождись меня. Это все, что тебе нужно сделать, — не просит, требует.

Пару секунд смотрит мне прямо в глаза, после чего чмокает меня в нос и заходит обратно в кабинет, запираясь там… с любовницей.

Глава 4

Смотрю на захлопнутую прямо перед моим носом дверь и не могу поверить в случившееся.

Что это, черт побери, было?

Что только что произошло?

Муж действительно сказал, что я его, и он не отпустит меня, а сам заперся в кабинете с другой женщиной? С женщиной, которую только что…

Картина того, как Демид прижимал к панорамному окну блондинку, встает перед глазами. Боль стрелой проносится по телу, добирается даже до кончиков пальцев, воспаляет нервные окончания, заставляя их гореть. Вся моя решимость летит к чертям, когда я даже через закрытую дверь отчетливо «вижу», что за ней происходит.

Пальцы мужа снова впиваются в девичью талию, оставляют следы на светлой, почти прозрачной коже. Стон срывается с губ блондинки, когда Демид хватает ее за волосы, грубо поворачивает голову к себе, впивается в пухлые губы жестким поцелуем. Не проходит много времени, прежде чем снова раздается «вжик» молнии.

Силы окончательно покидают меня. Колени подгибаются.

Я пришла сюда, лелея надежду, думая, что любящий муж поможет, защитит, а получила очередной удар. Да такой сильный, что лучше бы ослепла сразу, как только открыла

дверь в кабинет.

Господи, что я несу? Мне еще ребенка растить, а я сама накликаю беду.

Больше не подавляю порыв накрыть живот, кладу ладонь поверх платья, поглаживаю через мягкую ткань малыша. Зрение мне еще понадобится. Ой, как понадобится, ведь придется со всеми проблемами справляться в одиночку. Дыхание спирает, когда мелькает мысль, что я не справлюсь. Страх ледяным вихрем поднимается из глубины души, когда я представляю, как слепая буду справляться с младенцем. Я же банально даже не увижу, если он какими-то пятнышками покроется из-за возможной аллергии. А кормить его как? Наощупь?

Глаза жжет из-за непролитых слез. Во рту пересыхает. Ноги немеют, отказываются меня держать.

Упираюсь ладонью в стену, совсем как любовница мужа в стекло. Истерично усмехаюсь от сравнения, которое само по себе всплывает в мыслях. Сейчас, как никогда, жалею, что поддалась растерянности и не взглянула на лицо женщины, которую вместо меня выбрал Демид. Почему я отступила в последний момент? Почему струсила? Почему? Хватило бы одного взгляда, и я бы не задавалась вопросом: «Кто она?».

— Ксюша, — мужской голос раздается так неожиданно, что я вздрагиваю.

Сначала кажется, что это Демид меня окликнул, из-за чего желудок делает кульбит. Но логика быстро берет контроль

над разумом, поэтому оглядываюсь через плечо.

В приемную быстро заходит Руслан. Его светлые волосы взлохмачены, лицо покраснело, серый пиджак расстегнут. А судя по тому, как друг и партнер мужа запыхался, он едва ли не бежал сюда. Что-то случилось? Или…?

— Что ты здесь делаешь? — слова сами по себе срываются с моих губ, когда Руслан останавливается передо мной.

Заглядываю в его «выцветшие» голубые глаза, которые всегда казались мне удивительными, снова задаюсь вопросом, как Руслан с Демидом смогли стать друзьями? Если муж закрытый, малообщительный, я бы даже сказала, темный, то его друг чуть ли не лучится светом. Руслан доброжелательный, душа компании. Да, когда Демид решает открыться людям, он показывает себя с другой стороны. С первой нашей встречи муж заботился обо мне.

День, когда мы с Демидом познакомились, был ужасным, пока Демид не ворвался в него и взмахом руки все не исправил. До сих пор помню, как мне пришлось задержаться на работе по просьбе начальства, из-за чего я не смогла поехать на день рождения подруги, и та жутко на меня обиделась. Мы поругались. И Настя бросила трубку со словами, что ей не нужны друзья, которые не ценят ее.

Я поздним вечером брела по тротуару, чувствуя себя максимально разбитой. Слезы катились по щекам, настроение было на нуле, если вообще не ушло в минус. Но, видимо, кто-то сверху недостаточно надо мной поиздевался, раз откуда

ни возьмись появилась машина, которая на полной скорости промчалась по луже грязи рядом со мной и обдала меня с ног до головы. Помню, как всего секунду стояла, задыхаясь от шока и ощущая, как мокрые грязные капли скатывались по моему лицу, рукам, впитывались в платье, а в следующий миг я плюхнулась попой прямо на тротуар и разрыдалась в голос. Не знаю, сколько просидела, глотая слезы и жалея себя. Но доброта мимо проезжающего мужчины, который остановился возле плачущей девушки, посадил ее грязную к себе в машину, отвез домой и даже свою толстовку ей отдал, вернула мне веру в то, что моя жизнь не такая уж и плохая.

В тот день я впервые столкнулась с другой стороной Демида, той, которую он прячет под семью замками, предпочитая не подпускать к себе никого лишнего.

Поэтому для меня даже спустя десять лет остается загадкой, как муж с Русланом могли найти общий язык: они же такие разные.

— Демид попросил отвезти тебя домой и побыть с тобой, пока он закончит заниматься делами, — Руслан отводит взгляд в сторону, явно чувствуя себя неловко. «Дела». Как интересно Демид назвал то, чем сейчас занимается в своем кабинете. Резь в груди усиливается, как и жжение в глазах.
— Поругались, да? — косится на меня друг мужа, отрываясь от серого неба за покрытым каплями панорамным окном.

— А ты, значит, у него на побегушках? — зло выпаливаю, корпусом разворачиваясь к Руслану и игнорируя его вопрос.

Складываю руки на груди.

Друг мужа резко поворачивает голову ко мне, смотрит на меня широко распахнутыми глазами, впервые столкнувшись с настолько выраженными признаками моего гнева.

Я обычно стараюсь быть спокойной, рассудительной, подавляю негативные эмоции. Но сегодняшний день меня добил, как и картинки происходящего за моей спиной, которые не перестают вспыхивать перед глазами.

Стараюсь держаться… не хочу раскисать перед другом мужа. Но это сложно, крайне сложно, когда грудь разрывает от переполняющих ее эмоций.

Руслан сужает глаза, взглядывает на мое лицо, после чего тяжело вздыхает:

— Я-я-ясно, поругались, — неодобрительно качает головой. — Но ничего, помиритесь. Пошли, — так быстро хватает меня за руку и тащит к выходу из приемной, что я среагировать не успеваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.